

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ МЕЛЕНКОВСКОГО УЕЗДА

VLADIMIR'S REGION IN RUSSIAN HISTORY XIX - THE BEGINNING XX CENTURY

A. Tikhonov
E. Kazakovtseva

Annotation

This article is about the main problem of development Vladimir's province in XIX – the beginning XX century. In this material shows the change of territory Vladimir's region from the middle ages to the beginning XX century. Also in this article gives the information about another articles of the represented collection.

Keywords: Vladimir's region, province, population, industry, monarchy parties.

Тихонов Андрей Константинович

Д.ист.н., профессор зав. каф.

"История, археология и краеведение"

Гуманитарного института Владимирского

государственного университета

Казаковцева Евгения Сергеевна

Спец. по УМР Каф. "История, археология

и краеведение" Владимирского

государственного университета

Аннотация

Статья посвящена основным проблемам развития Владимирской губернии в XIX – начале XX в. В ней рассмотрено изменение административно-территориального деления региона с периода средних веков до начала XX века, а также дана информация о содержании статей подборки.

Ключевые слова:

Владимирский край, губерния, население, промышленность, монархические партии.

Цель исследования состоит в изучении экономического развития Меленковского уезда в середине XIX – начале XX вв., в частности, кустарных промыслов, как формы сельской промышленности.

Хронологические рамки исследования определяются временем становления капиталистических отношений в России (пореформенным периодом).

Для изучения проблемы экономического развития Меленковского уезда привлекались материалы по статистике Владимирской губернии, описание земель Меленковского уезда, доклады – отчеты Владимирской Губернской Земской управы по кустарному предпринимательству, труды Владимирского губернского статистического комитета.

Причины занятости населения Меленковского района кустарными промыслами были следующими: малая производительность земли, земельный дефицит и продовольственный недостаток, высокая арендная плата вненадельной земли. Ко всему прочему, крестьянин должен был уплатить 387,5 тысяч рублей разного рода платежей, падавших на надельную землю, что также заставляло прибегать к дополнительному заработку [8; 3–5].

Кустарный промысел – это отдел ручного искусства крестьян, которому они посвящают свое досужее от полных работ время [12; 156].

Кустарные промыслы Меленковского уезда можно разделить на четыре группы, в основание которых положены с одной стороны: материал, подвергающийся в процессе производства обработке, с другой – характер вырабатываемых изделий.

Таблица [5; 84].

Группы производств	Хозяйства, занятые в кустарных промыслах, %
1. По обработке дерева (рогожный промысел, лапотный промысел и др.)	23,3
2. По обработке металлов (ремесленное (слесари и деревенские кузнецы))	19,9
3. По обработке минеральных веществ (гончарное производство)	12,6
4. По обработке волокнистых веществ (женское рукоделье, портняжный промысел, трепанье, мятье, чесанье льна)	29,9

Из данной таблицы следует, что кустарное производство населения в большей степени было ориентировано на промыслы, связанные с обработкой волокнистых и минеральных веществ, дерева, металлов. На самой низкой ступени – обработка животного сырья [5; 85].

Наиболее распространенным в Меленковском уезде был рогожный промысел (тканье рогож из липового мочала). Наиболее он был развит в трех селеньях: деревне Старинки, селе Григорьеве и в деревне Улановке [6; 125].

Организация промысла была чисто семейной. Для тканья рогож кроме мочала нужен был ткацкий станок и помещение для тканья. Ткацкий станок каждая семья имела свой собственный, а помещением служила жилая изба.

Мочало покупалось раздатчиками в Нижнем Новгороде, куда оно доставлялось из Уфимской губернии, а потом перепродавалось ими рогожникам. Для тканья рогож требовалось участие 3–4 людей. За станком работали двое: один сидел спереди станка, а другой сбоку, и уплотнял ткань. Затем третий разбирал и готовил мочало, четвертый вдевал мочало в берда. Рогожи ткались разного качества и величины. За тканье разных сортов рогожи платили от 2,5 – до 5 рублей за сотню.

Достоинством рогожного промысла было то, что он не отрывал работника от семьи. Рогожи начинали работать после уборки урожая и до Петрова дня. От пыли и постоянной влаги они страдали проблемами со здоровьем [8; 44–45].

Лапотный промысел принадлежал крестьянам деревни Деревнищи, находящейся в Тургеневской волости. Половина населения деревни в зимнее время оставалась дома и плела из лыка крестьянскую обувь "вороняшки", так называли лапти, которые не имели толстой подошвы, подплетаемой после самими покупателями [12; 161–162].

Капитала для занятия данным промыслом нужно было немного. Кочедык – загнутое широкое шило – передавалось по наследству, ножик, деревянная колодка. Покупалось только лыко пучками. Пучок имел 15–50 трубок. Из трубки длиной в сажень выходил 1 лапоть. Пара лаптей продавалась по 10–12 копеек. В день лапотник мог сплести до 5 пар лаптей [8; 45].

Помимо представленных кустарных промыслов, в Меленковском уезде существовали: колесное мастерство, делание телег, изготовление саней, решет, корзин [3; 7–8], плетение соломенных шляп, изготовление оконных рам [12; 159–166].

В крестьянском хозяйстве всегда были необходимы орудия труда, инструменты из металла, поэтому почти в каждой деревне была кузница. Кузнецы занимались подковкой лошадей, натягиванием шин на тяжелые колеса, сваркой сломавшихся сошников. В кузницах изготавливали гвозди, пробойники, обоймы для натягивания шин на колеса, тяпки другие принадлежности, используемые крестьянами в быту [2; 72–74].

В селеньях, расположенных ближе к заводам, кузнецы изготавливали различные предметы для продажи.

Для починки всех предметов, кузнецы использовали "домашний лом". Редко когда покупалось новое железо и сталь. Рабочим кузнецам платили не более 50 рублей [12; 166–167].

С древнейших времен изготовление керамических изделий занимало важное место в крестьянском хозяйстве. Традиционно, в середине XIX–начале XX вв. было наиболее распространенным среди крестьян. Нужно отметить тот факт, что вообще во Владимирской губернии гончарное производство было распространено достаточно широко, так как ее уезды, деревни и села всегда славились богатыми залежами самых разнообразных глин.

О Меленковском уезде во "Временнике Российской империи" находим более подробные сведения, что добыча горшечной глины в Меленковском уезде не имело самостоятельного промышленного значения. Она являлась в продаже уже в виде готовых глиняных изделий. Их производством занимались крестьяне села Коровина (40 семей) и деревни Ратново (15 семей), находящиеся недалеко Меленок.

Крестьяне в течение почти всего года, за непродолжительными промежутками, потребными для полевых работ, занимались изготовлением глиняных изделий – простой домашней посуды и других принадлежностей кухни и хозяйства.

Только что сделанные сырые изделия тщательно высушивались на воздухе, потом обжигались в устроенных для этого горнах и хранились в особых помещениях. Их продажа производилась в разное время в Меленках, Муроме, Елатье (Тамбовская губерния), Касимове (Рязанская губерния). Глиняный товар также развозили на больших возах по деревням, где его продавали крестьянам за деньги или меняли на зерновые хлеба: рожь, овес, гречу, пшено, просо и лен.

Производство глиняных изделий лежало в семье на знании и искусстве мужчин, от которых это знание передавалось сыну. Женщины в этом производстве не участвовали, т.к. на них лежала вся работа по хозяйству и полевые работы. В этих занятиях принимали участие и дети, достигшие десятилетнего возраста [10; 283–284].

Во второй половине XIX века в Коровине появилось глазурование. Для этого использовали свинцовый сурик, медный купорос, марганец. Наносили раствор глазури на поверхность сосудов тряпочной кисточкой. После декоративной отделки высушенные изделия были готовы к обжигу.

Обжиг производился в специальных печах – горнах, которые были двух видов: напольные в помещениях и ямные на огородах. Оба вида горнов имели сходную конструкцию и состояли из двух ярусов: нижнего для топки и верхнего для обжига изделий.

В конце XIX века в Коровине появились новые формы изделий, имеющие более усложненную разработку. Это были фигурные квасники, покрытые плотной зеленой глазурью, в которых без труда угадывается влияние скопинских изделий. Видимо, широкая известность, оригинальность и фантастичность форм последних, толкнула местных мастеров на разработку своего варианта, так как при всей близости со скопинскими местный квасник отмечен своим своеобразием и красотой. Он более прост и графичен по форме, скромнее по фигурной лепнине. Здесь воображение не уведило мастера столь далеко от утилитарной целесообразности вещи, как это наблюдалось в Скопине (Рязанской губернии) [9; 143–147].

На протяжении всего XIX – начала XX веков коровинская керамика продолжала сохранять ярко выраженный самобытный народный стиль, шедший в русле общих художественных устремлений крестьянского искусства этого края.

В начале XX века коровинское гончарство стало испытывать неравную конкуренцию с появившейся на рынках в массовом количестве металлической посудой. Этот процесс, характерный для всех промыслов России, имел здесь те же последствия: число мастеров значительно сократилось, увеличение выпуска изделий шло за счет снижения их художественного качества, вековые традиции предавались забвению. Лишь начавшееся в нашей стране после революции возрождение народных промыслов помогло сохранению этого самобытного центра [5; 93].

Так как в большинстве случаев промыслы работали на местный рынок (их продукцию скупали жители окрестных деревень), многие вещи не получили широкого распространения. Кроме того, если труд гончара и пользовался уважением, то на глиняную посуду смотрели как на нечто, пусть очень полезное, но обыденное, привычное, что не стоит беречь и хранить много лет. Это особенно касалось бытовой посуды простых форм. С проникновением в деревню фарфора в конце XIX века пренебрежение к гончарным изделиям возросло. Поэтому собирателям произведений народного искусства часто бывает нелегко в полевых условиях находить вещи даже местного, еще недавно действовавшего производства.

Что касается видов художественного оформления, то они были столь многообразны, что можно говорить о своеобразной живописи, графике, скульптуре в народной керамике. Каждый промысел, естественно, развивался в особых экономических условиях. Очень часто в произ-

водствах, отдаленных от торговых и промышленных центров, сохранялись архаические формы, ясно ощущаемой древнерусской традиции. В других случаях, наоборот, чувствовалось влияние современной городского быта, а иногда стремление использовать формы и мотивы украшений изделий из других материалов [4; 55].

Керамика Меленковского уезда близка по своим особенностям к скопинским бытовым изделиям. Здесь также применялись потечные глазури ярких расцветок и оттиск штампиками, но сам орнамент отличался своей простотой и строгостью [7; 85].

Очень часто предметы гончарного искусства показывались на выставках, как в пределах губернии, так и за пределами страны [1; 21].

Неотъемлемой частью крестьянских занятий было прядение шерсти и льна. Оно совершалось ручным способом: шерсть свертывалась куделей, привязывалась к прялке и, не смачиваясь слюной, нитку навивали на веретено. Лен заготавливался мочками (небольшими прядями), которые сначала прочесывали на гребне, чтобы отделилось волокно, затем сажали их на тот же гребень и пряли, беспрестанно послиюивая нитку у мочки, вытянув нить на два аршина, наматывали ее на веретено.

Пряденную шерсть и лен ткали на одних и тех же станках. Вытканное сукно употреблялось на верхнюю одежду в семье, а холст поступал на повседневное белье, только холст точился пестрым: синяя нитка с красной и белой, или с одной которой–нибудь из последних [12; 168]. Это рукоделье присуще всем женщинам уезда, которым они занимаются почти каждую свободную минуту, исключая рабочую пору и праздники [6; 121].

В деревне Большой–Сал был распространен синильный промысел. В специальных помещениях красили в синий цвет пряжу, холсты и набивали их яркими цветными узорами. Работы начинались вслед за прекращением овчино – выделочного производства с Крещенья и производились до июля, а после сенокоса до 1–го сентября. Все производство в синильных заведениях принадлежало исключительно, прихотливому вкусу женщин.

Способ синения льняных изделий был довольно простым: в кипящий котел с кубовой синей краской опускали пряжу или холсты и держали их там до известного только мастеру времени, потом вынимают их из краски и развешивали на воздух для просушки. Если пряжа или холст недостаточно окрасились, то их снова опускали в краску и т. д. пока не получался требуемый цвет.

Набивались холсты доской, с вырезанными на ней узорами, которой намазав нужной краской, оттискивали на белом или синем холсте различные узоры.

Нужная для этого процесса краска – синяя кубовая, называемая кольга, приобреталась в Муроме по 4 рубля

за фунт, желтая крон, покупалась там же по 6 копеек за фунт.

В деревнях Усад и Малютинке три домохозяина крашили великим постом, порыжевшие крестьянские шляпы валеные из шерсти, для этого их специально собирали их по окрестным селениям.

Для окраски старых шляп в черно-бархатный цвет изготавливали красящее вещество из смеси: сандал, медный купорос и другие специи, составляющих секрет мастера. За окрашивание шляпы брали по 15 копеек [12; 171–172].

Центром портняжного промысла являлась Усадская волость [6; 122]. Этот промысел был организован следующим образом: портной – предприниматель, собственник ручной или ножной швейной машины, брал себе одного ученика, нанимал одного или двух подручных и управлялся с ними в соседние села на поиски работы. Для нее портному нужны были: машинка, утюг и ножницы. Когда работа была найдена, они приходили в дом заказчика, получали от него материал и начинали работу, во время которой пользовались харчами заказчика. По окончании работы они переходили в следующий дом, и так до тех пор, пока не "обшивали" все селенье. Портные уходили из дома в сентябре, а возвращались в феврале.

За шитье пиджака брали 80 копеек, за кафтан – 50 копеек, за кофту – 50 копеек [8; 47–48].

Льняным промыслом занимались во всех волостях Меленковского уезда [11; 109]. Он состоял в том, что лен, собранный со своей и арендованной земли мяли, трепали, чесали и продавали. Посев льна, и обработка его для тканья холста, производилось почти во всех хозяйствах уезда. Обработкой льна всецело занимались жен-

щины. Снопы сначала сушили в бане, а затем его переминали и связывали на продажу. К концу XIX века Меленковский лен стал терять конкурентоспособность на рынке, его вытеснял лен из Псковской губернии, который по качеству был гораздо лучше [8; 50].

В деревне Большой-Сал (Пановской волости) [6; 122], кроме обработки льна, крестьяне занимались выделкой овчины. Они обустроили 8 специальных помещений, в которых овчину выделывали на продажу и по заказу крестьян соседних деревень.

К этому занятию приступали после окончания полевых работ и продолжали его до Рождества. На выделку и дубку овчины употребляли: корье, ржаную муку и поваренную соль, в таком размере: на 100 овчин от 3 до 4–х пудов корья, столько же ржаной муки и 20 фунтов соли.

На выделку поступала русская и черкасская овчина (черкасская преимущественно выделываются на продажу).

Готовая к продаже овчина связывалась десятками и продавалась на базарах г. Меленок и Выксунском заводе, по следующим ценам: русская овчина от 10 до 14 руб. за десять штук, черкасская – от 14 до 20 руб. За выделку же овчин по заказу брали от 10 до 12 копеек за штуку [12; 170–171].

Исследование показывает, что кустарные промыслы в Меленковском уезде в середине XIX – начале XX вв. были достаточно разнообразными и обеспечивали крестьян необходимой продукцией. Благодаря развитию кустарных промыслов, они также получали возможность дополнительного заработка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирские кустари на выставке в городе Шуе. Типо-литография Губернского правления, 1901. – 34с.
2. Вознесенский В., Бобров Я. Владимирский край. Обзор народного хозяйства Владимирской губернии с 51 рисунком. 7 картографиями и 5 диаграммами в тексте. Владимир, 1928. – 148с.
3. Доклады – отчеты Владимирской Губернской Земской управы очередному губернскому земскому собранию по кустарному предпринимательству и профессиональному образованию. Типо-литография губернской земской управы, 1912. – 113с.
4. Иванов А.И. Забытое производство. Очерки изразцовой промышленности Владимирского края. Издательство Владимирского окружного бюро краеведения и окружного историко-краеведческого музея, 1930. – 56с.
5. История и культура Меленковского края: монография / М.Я. Федотова. – Владимир: Транзит – ИКС, 2013. – 221с.
6. Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год. Издательство Владимирского губернского Статистического Комитета, 1912. – 345с.
7. Каталог кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в городе Владимире при Губернской Управе. Типо-литография губернской земской управы, 1912.
8. Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Том III. Меленковский уезд. Выпуск III. Промыслы крестьянского населения. Типо-литография Губернской Земской Управы, 1901. – 172с.
9. Скворцов А.И. "Коровинские гончары", Перо Жар-птицы, Ярославль, 1974. – 347с.
10. Статистический Временник Российской Империи. II. Выпуск 3. Часть 1. СПб., 1872. – 327с.
11. Труды Владимирского Губернского Научного общества. Выпуск II. Владимирское государственное издательство, 1921. – 186с.
12. Труды Владимирского губернского статистического комитета. Под ред. секретаря комитета К. Тихонравовым. Выпуск X. Владимирская топография губернского правления, 1874. – 393с.